

Когда Дао Тянься осознал, что согласился помочь, его охватило немалое удивление. Внутри он испытывал досаду, сомневаясь, действительно ли Юй Дапин был духом из книги, раз сумел так легко добиться его согласия. Дао Тянься вздохнул:

— С древних времен ученые часто становились жертвами духов... Не думал, что и в Гуайфань Йоши это не исключение. Ну что ж, о чем ты хочешь спросить?

— Какая история связана с Лун Вэнем из прошлой династии? — без церемоний спросил Юй Дапин.

— Ха, так ты о нем спрашиваешь. — На лице Дао Тянься промелькнула легкая улыбка. — Если смотреть глазами обычных людей, он был праздным гулякой. Целыми днями увлекался музыкой, шахматами, каллиграфией и живописью, а также рассказами о странностях гор и лесов, не думая о служении стране. Он был полной противоположностью своему старшему брату, Лун Ся.

— Хм... А как насчет мнения тех, кто не принадлежит к обычным людям? — Юй Дапин заметил, что в глазах Дао Тянься не было презрения к Лун Вэню, и с любопытством задал этот вопрос.

— Смеею предположить, что Лун Вэнь мог бы стать талантливым правителем, но его погубила подозрительность императорской власти. — В голосе Дао Тянься звучала явная жалость к Лун Вэню.

— А на чем основывается твое мнение? — Услышав, что его прошлое вызывает споры, Юй Дапин заинтересовался еще больше.

— В детстве Лун Вэня называли вундеркиндом, но в возрасте пяти лет он внезапно увлекся игрой на цине, даже взял учителем бедного музыканта, что стало посмешищем среди знати. Став старше, он целыми днями проводил время в Башне Дию, играя на цине, и в нем не было и тени достоинства принца. Император Кайтянь Второй, однако, чрезвычайно баловал его, позволяя не учиться военному делу и не принимать наставлений от императорских учителей. — Говоря это, Дао Тянься повел Юй Дапина вглубь Кабинета Иньцзяо.

— Похоже, Император Кайтянь Второй относился к Лун Вэню... не совсем как отец к сыну. — Юй Дапин слегка нахмурился.

— Верно. С древних времен все родители мечтают, чтобы их дети стали драконами, но Император Кайтянь Второй относился к своим двум сыновьям совершенно по-разному. Старший сын, Лун Ся, обучался под руководством Ишан Гумина, достиг успехов и в литературе, и в военном деле, и его высоко ценили при дворе. А младшего сына учил музыкант, и он был предоставлен самому себе. Во всей стране Лун Вэня считали посмешищем. — Дао Тянься остановился и посмотрел на Юй Дапина.

— Тогда почему ты... — Юй Дапин не успел закончить вопрос, как Дао Тянься протянул ему письмо.

Взяв его, Юй Дапин спросил:

— Зачем ты даешь мне это?

— Когда-то я, как и все, считал Лун Вэня просто гулякой, но, услышав его мелодию «Скрытые глубины», не смог поверить, что человек, способный создать такую атмосферу, мог быть просто

праздным бездельником. Тогда я начал собирать сведения о Лун Вэне и в итоге нашел это письмо. — В голосе Дао Тянься звучала ностальгия по Лун Вэню, словно он сожалел, что не смог с ним познакомиться.

— В письме... — Юй Дапин опустил взгляд на письмо в руках, не решаясь его прочесть.

Ему казалось, что, прочитав его, он столкнется с кровавой правдой.

— Это письмо младшего принца Лун Вэня к Императору Кайтянь Второму. Его моя духовная сущность извлекла из гроба Императора Кайтянь Второго в императорской гробнице. Похоже, оно было похоронено вместе с ним. Прочитав его, ты поймешь многие страдания Лун Вэня. — Легко постукав веером по письму, Дао Тянься объяснил Юй Дапину.

Юй Дапин долго колебался, но в конце концов вздохнул:

— Ха, видно, это моя карма — от нее не убежишь, не скроешься.

С этими словами он развернул письмо и начал читать. Письмо в его руках было лишь копией, созданной духовной силой Дао Тянься, оригинал же все еще покоился в гробу Императора Кайтянь Второго. Тем не менее Юй Дапин чувствовал тяжесть в душе. На письме был изящный и быстрый почерк, тонкий, но не лишенный силы, с характерной каллиграфией:

Между мной и отцом прошло более десяти лет, и наша кровная связь глубока и неразрывна. Однако многие вещи трудно высказать лицом к лицу, поэтому я пишу это письмо, надеясь, что отец простит меня за очередную прихоть. Какими бы грубыми ни были мои слова, прошу дочитать письмо до конца. С благодарностью, Лун Вэнь.

Я знаю, что мой талант невелик, в военном деле я слаб, а в литературе бесполезен, но я также знаю, что это желание отца. Люди знают, что я вундеркинд, что я быстро схватываю все, что происходит в мире, но они не знают, что я знал это с рождения. В пять лет я узнал, что отец приказал Ланьсян кормить меня травой Дуаньянь, чтобы я никогда не смог овладеть боевыми искусствами.

В то время я читал «Сборник литературных произведений» и наткнулся на строки из «Четырех слов Северного моря»: «Рыбак склонил голову, вода скрыла его, драгоценный камень спрятал свой блеск, прекрасный нефрит укрыл свой свет». Тогда я понял глубокий смысл слов отца. Старший брат — это Лун Ся, а я — Лун Вэнь. Свет Лун Ся должен озарять мир, а я, как драгоценный камень, должен скрывать свой блеск, не соревноваться и не бороться. Хотя я благодарен отцу за то, что он дал мне жизнь и не убил меня, мое сердце все же остыло. Чтобы сохранить жизнь, я скрыл свою истинную натуру. Я лишь притворялся избалованной гулякой, пользуюсь чувством вины отца, и ждал, пока вырасту, чтобы уйти и никогда не возвращаться.

Хотя это было притворство, кровная связь между отцом и сыном не могла быть разорвана. Я наслаждался отцовской любовью, но в душе таил обиду, не решаясь выразить свои чувства. При дворе большинство тайно смеялось надо мной и стыдилось меня, лишь канцлер не высказывал суждений, понимая мои страдания. Познакомившись с канцлером в библиотеке, я считал это великой удачей. Для меня канцлер был и учителем, и другом. Я мечтал, что однажды мы уединимся среди гор и рек, будем пить чай и играть музыку, но теперь этой мечте пришел конец.

Я давно знал, что канцлер не может оставить дядю, а дядя был прямолинеен и не умел хитрить и плести интриги. Дядя возглавлял военное министерство, а также был близок с канцлером, и многие его действия были либо неизвестны, либо он не считал нужным их скрывать. Это лишь

вызывало подозрения и могло привести к беде. Однако я не ожидал, что это случится так скоро.

С дядей я не был близок, но канцлер хотел его защитить, и я не мог остаться в стороне. Канцлер уже ушел из жизни, и моя боль невыразима. Я не могу вернуть его к жизни, не могу отомстить, могу лишь завершить то, что он не успел сделать. К тому же дядя и отец — братья, и я не хочу, чтобы они воевали друг с другом и потом сожалели об этом. Хотя я годами принимал траву Дуаньянь, я тайно изучил метод самосохранения, и теперь собираюсь использовать его, чтобы спасти жизнь дяди. Однако этот путь опасен... даже если я выживу, мне будет стыдно смотреть в глаза отцу.

Глядя на нынешний двор, я вижу, что мы потеряли канцлера в литературе и дядю в военном деле, а также то, что фракция Пань Шэньцзи набирает силу, и их амбиции трудно скрыть. Их преданность сомнительна. Однако сейчас во дворе нет силы, способной противостоять Пань Шэньцзи, и, если так пойдет дальше, если не появится чудесный человек, который сможет изменить ситуацию, через несколько десятков лет империя клана Дракона перестанет существовать.

На этом я заканчиваю. Все эти безумные слова — последние.

Недостойный сын Лун Вэнь. Прощайте.

Рука Юй Дапина слегка дрожала. Хотя он и знал, что канцлер Цянь Чэнци, возможно, уже давно ушел из жизни, увидев такое подтверждение, он все же ощутил волнение в душе. Его голос слегка охрип, когда он спросил:

— А что... что случилось потом? Лун Вэнь спас дядю?

— Лун Вэнь в одиночку отправился на плаху, чтобы спасти дядю, но, не обладая достаточной силой, погиб вместе с Ишан Гумином, упав в глубины моря. — В голосе Дао Тянься звучала жалость, но Юй Дапин уже не слышал ее.

В этот момент он почувствовал, будто его ударили, мир вокруг померк, и он, выпустив письмо из рук, схватил Дао Тянься с огромной силой.

— Что ты сказал? Ишан Гумин!

— Да, дядя младшего принца Лун Вэня — это Ишан Гумин Лун Цзянь. — Нахмурившись, Дао Тянься не понимал, почему Юй Дапин так взволновался.

Юй Дапин в замешательстве отступил на несколько шагов, его лицо выражало неверие:

— Погиб в глубинах моря... погиб в глубинах моря...

Услышав новость о гибели Ишан Гумина в глубинах моря, Юй Дапин был потрясен до глубины души. Его энергия Цзинсы взорвалась, бурлящая сила разнеслась по всему телу, создавая порывы ветра, которые перевернули кабинет Дао Тянься. Взгляд Юй Дапина был пустым, в голове лишь белый шум, и он потерял всю свою обычную уверенность и спокойствие. Он даже не подумал о том, что Ишан мог быть еще жив, настолько сильно был потрясен. Забота о друге затуманила его разум, и в этот момент он даже не мог думать о беспорядке.

Дао Тянься, видя, что Юй Дапин в неадекватном состоянии, словно в трансе и не контролируя себя, преодолел порывы ветра и подошел к нему, ударив по лицу. Удар пришелся в щеку, и

лицо Юй Дапина сразу же покраснело, но он все же пришел в себя.

Юй Дапин думал, что его друг Ишан умер... Это стало для него слишком большим ударом...

<http://bllate.org/book/16149/1446517>